

Пролог

«**П**риходит чародей к храмовнику и слезно жалуется на жизнь:

— Святой брат, жизнь — боль! Ученики — бездари, нечисть отбилась от рук, жена пилит и пилит! Что делать, святой брат?

— Чародей, заведи дракона, — приказывает тот.

Приходит чародей к храмовнику через месяц.

— Святой брат, сил моих нет! Ученики — бездари, нечисть отбилась от рук, жена пилит и пилит! Еще этот поганый дракон в доме! Жрет, спит и нападает на соседей. Он скоро меня разорит! Что делать, святой брат?

— Чародей, убери дракона!

Возвращается чародей к храмовнику еще через месяц и светится от счастья:

— Святой брат, ученики — бездари, нечисть отбилась от рук, жена пилит... Но дракона-то больше нет!»

Анекдот от светлой чародейки Агаты Истван.

Июльская ночь шла своим чередом, и ничто не предвещало жизненных потрясений. На очаге булькало зелье. Через край котелка на дощатый пол стекал густой розоватый дым и тянулся в сторону раскрытой кухонной двери. Он стелился между кустами и грядками выхоленного огорода, отчего казалось, будто мой кукольный домик и участок за-

топил кровавый туман. Жутковатое зрелище, буду честной. Да и запах стоял соответственный, как в покойнице.

Цветастый табурет Йося, одержимый духом песика, запахов не чувствовал, но на всякий случай спрятался в чулан под лестницей. Призрак прежней хозяйки дома Петуны, полноправно владеющий посудным шкафом, категорично заблокировал дверцы. Я сбегать не могла, хотя хотела бы, желательно в сторону кровати. Но демонское зелье красоты мало что смердело, так еще и требовало внимания. Приходилось по-простому спасаться от зловония у раскрытого окна. На улице пахло чуть лучше, чем в кухне.

На другой стороне участка высилась мрачная махина соседского дома. Брошенный хозяевами много лет назад, он ветшал от времени, зарастал густым плющом и гнусно портил дивный сельский пейзаж. Особенно по утрам, когда спросонья хотелось красоты и простора, а не полинялого уродства с заколоченной дверью и покосившейся, засыпанной прошлогодней листвой верандой.

Я широко зевнула в ладонь... да так и замерла с приоткрытым ртом. В окне второго этажа в заброшенном доме вспыхнул свет. Мелькнула чья-то тень.

На секунду показалось, что от ядреных паров у меня начались причудливые видения. Отвисшую челюсть я все-таки подобрала и даже глаза потерла, чтобы четче разглядеть неожиданное явление. Свет, нахально разрезающий густую сельскую темноту, действительно горел.

Никакой ошибки. У меня появились соседи!

Глава 1

ВСЕРЬЕЗ И НАДОЛГО

Посередине огорода тянулась стена из крепко переплетенных сухих сучьев. Плотная, высокая, в человеческий рост. Колючая. Появление этого монструозного заграждения, скрывающего от глаз вторую половину участка, по которой вчера по-хозяйски прохаживался мой новый сосед, несколько обескураживало. Когда я засыпала, забора еще и в помине не было.

Скажу больше: утром он тоже не наблюдался. Но стоило отлучиться в погреб, чтобы проверить созревающее зелье, как безобразная стена уже отбрасывала густую тень на цветущий белый олеандр и скрывала от взгляда мою драгоценную красную бузину!

Кончиком пальца, вспыхнувшего голубоватым магическим свечением, я прикоснулась к ощеренному длинными шипами пруту. Конструкция, как живая, пришла в движение и мигом подросла в высоту еще на ладонь.

— Чудесно, — отряхнув руки, процедила я сквозь зубы, хотя чудесного ничего вообще не находилось, с какой стороны ни посмотри.

У кого-то заводились мыши, а у меня по соседству завелся ведьмак!

Впрочем, совершенно забыла: королевский указ требует строгого политеса между магами, даже если мысленно рассуждаешь о поехавшем кровлей некроманте. Ведьмаков теперь следует величать исключительно «темными чародеями».

Чародеями! Демоны дери.

Ведьмак — он и в тихом Круэле ведьмак. Не успел появиться, сразу принялся наводить свои порядки в моем огороде, как и принято у этих паразит... поразительных людей!

— Что ж, буду считать это приглашением к знакомству.

Наверное, следовало эффектно разобрать шипастую стену на прутики и пройти напрямик, но кто городил, тот пусть образину и убирает. Желательно очень аккуратно, чтобы ни одна травинка больше не пострадала. Иначе расстроюсь и начну добро не приносить, а причинять.

С мрачным видом я зашагала между грядками. Из раскрытой кухонной двери, завидев меня, навстречу бросился восторженный табуретопес Йося. Кусок красного канта, заменявший ему хвост, мелькал туда-сюда, как маятник. Резные ножки бодро цокали по каменным плиткам.

Раньше ножки у него не гнулись, как у любой нормальной мебели. Призрачный пес с грохотом переваливался и скакал, пока не ускакал за мной в овраг и не переломался. Я его починила, как умела: с помощью заковыристых светлых чар и бранных слов. Но с тех пор он стал раздражающе проворным.

— Йося, охранять! — цыкнула беспокойному созданию.

Тонко прочувствовав, что хозяйка сильно не в духе, он неуклюже развернулся и бодренько потрусил в дом.

Понимаю, что светлой чародейке из знаменитого ковена Истванов не к лицу жить с шумной нечистью — отец схватился бы за сердце, — но без Йоси внутри табурет мигом рассыплется, а он мне дорог как символ свободы.

Я направилась к кованой калитке, оплетенной цветущими розами. По пыльной сельской дороге, тянущейся вдоль заросшего густым плющом забора, дошагала до соседского дома и ступила в чужие владения, хотя еще пару дней назад считала их практически своими.

На полу старой веранды по-прежнему валялись прошлогодняя листва и потемневший от пыли тополиный пух. От каждого шага доски прогибались и словно заходились в нервной дрожи. Обшарпанная входная дверь, прежде намертво заколоченная крест-накрест, оказалась

раскрытой настезь. Посреди холла с темной лестницей и ободранными стенами зияла проломленная дыра.

С усмешкой я посмотрела на порог. Он считался красной линией, разделом между светом и тенью, который не следовало переступать. По крайней мере, без разрешения хозяина.

Ведьмаков я, конечно, не жаловала, и уродливый забор посреди огорода бесил невероятно, но кое-какие представления о хороших манерах имела. Пусть они мне и претили. Закон о политесе — чтобы его демоны разодрали! — никто не отменял.

— Кто есть? — позвала громко, но дом отозвался печальным молчанием. — Эй, сосед, к тебе гости пришли!

За спиной раздалось сдержанное покашливание. Я обернулась. Ведьмак незаметно появился откуда его не ждали. В смысле, демон знает из какой дыры, но точно не из той, что украшала холл. Некоторое время мы молчали и разглядывали друг друга.

У него было хмурое, но выразительное лицо. Рыже-вато-каштановые волосы торчали в беспорядке. Челюсть покрывала трехдневная щетина. Светло-карие глаза смотрели тяжело и пристально. Развязанный ворот измусоленной рубахи открывал три зарубцевавшихся шрама, похожих на следы от звериных когтей. В руке он держал топор...

Не то чтобы наличие топора меня беспокоило, но некоторую напряженность в обстановку вносило.

— Приветствую темного в Круэле, — проговорила я ритуальную фразу, как и велел королевский указ (да-да, правила общения в нем тоже прописаны). — Надолго ли в наших краях?

— Приехал в родовое гнездо, — кивнул он в сторону дряхлого дома, четко обозначив, что не считает себя временным гостем.

— Значит, всерьез и надолго, — нарочито пробормотала я себе под нос.

Хоть бы одна сволочь из целого bestiaria любимых родственников тонко намекнула, что раньше в Круэле жили темные! Я-то гадала, когда с гордым видом покидала родной замок Истван, почему никто не плюнул мне

в спину. Оказывается, плюнули и, поди, гаденько радовались.

— Давно здесь поселились светлые? — пристраивая топор к лестнице, искоса глянул сосед. Голос у него был замечательный, мягкий, вкрадчивый. Даже жалко, что такой достался именно ведьмаку.

— Темные отсюда уехали раньше, — спокойно парировала я, спускаясь по скрипящим ступенькам. — А ты, сосед, значит, решил вернуться на историческую родину?

Он выпрямился во весь рост. Пришлось поднять голову, но я не принципиальная и не испытываю комплексов. Источать высокомерие несложно, глядя снизу вверх.

— Так и есть, по родным краям заскучал, — невозмутимо согласился он. — Как поживается светлым на наших землях?

— Прекрасно поживалось, но появился ты и начал тишком наводить свои порядки в моем огороде, — не отказалась я от обмена любезностями.

Не хочет утруждаться манерами — бога ради. Или кому там молятся темные? Они вообще кому-нибудь молятся?

На его лице расцвела нахальная белозубая улыбка.

— В твой огород я не лез. — Ведьмак неопределенно кивнул, видимо, имея в виду педантично поделенный на части участок. — Шагу не ступил.

— А уродливую стену утром гномики построили? — фыркнула я, складывая руки на груди.

— Забор я поставил во избежание недоразумений.

— Каких еще недоразумений? — сощурилась я, не веря, что по-прежнему разговариваю вежливо, хотя уже хотелось скрипеть зубами. — Поверь на слово, я на веревках в огороде исподнее не сушу.

— Не хочу случайно забрести на твою половину, — издеваясь, пояснил он. — Давай жить в мире и согласии, огородная фея, а не как у нас принято.

Огородная фея?! Нет, я, конечно, проглочу ради мира между светлыми и темными в условиях тесного соседства, но запомню. А потом обязательно припомню!

— Уверена, мы станем по-настоящему добрыми соседями, — поддержала я, — но сначала ты убережешь свой забор с моей территории!

— Давай-ка, соседка, я внесу ясность в один вопрос. Здесь все принадлежит мне по праву родового владения. — Он широко обвел рукой, намекая на дом и прилегающую территорию. — Но коль мои предки уступили бывшим жильцам твоего дома земельный надел, я не стал нарушать традиции и щедро оставил тебе половину участка.

— Прекрасно, — улыбнулась я той самой улыбкой, которая как бы тонко намекала, что ничего прекрасного не было. — И ты ведь способен предъявить доказательства?

— А зачем мне что-то доказывать? — с фальшивым недоумением протянул он. — В старых городских летописях все указано. Если не веришь на слово, то поищи.

Не сомневайся, обязательно поищу и ткну тебе в нос этими самыми летописями!

— То есть ты переkreшил мой огород, вспомнив о темных временах? — хмыкнула я. — Благодарю, конечно, за щедрость, но кусты-то за твоим забором растут мои. Что будем делать?

— Выкапывай, — предложил ведьмак. — Сколько тебе надо времени?

— До осени, — потребовала я шесть седмиц, чтобы успеть снять урожай.

Если подумать, самые опасные растения цвели на половине ведьмака. Все по канону, написанному в светлом гримуаре: «О растениях полезных, сорных и ядовитых». Нет, эта настольная книга ядоваров... в смысле, зельеваров не советовала сажать подозрительные кусты под окнами темных чародеев, но настоятельно рекомендовала их не растить под своими.

— До конца седмицы, — отрезал ведьмак.

— Бузина созреет к концу лета, — спокойно отказалась я притесняться, — потом ее можно будет пересаживать.

— Используй магию, — цинично посоветовал он. — Вы же, светлые феи, знаете, как заставить землю плодоносить.

— Ты охренел, господин темный чародей? — вырвалось у меня незапланированное ругательство, заставившее этого самого «господина» сверкнуть очередной улыбкой. — Мы с тобой оба в курсе, что потом земля омертвеет.

— Я все равно не собираюсь разбивать клумбы, так что удачного сбора урожая, госпожа чародейка, — благосло-

вил он меня на превращение его части участка в мертвую, обезвоженную пустыню, и кивнул, намекая, что пора бы отойти с его пути, хотя вообще-то он никуда пока не двигался: — Раз мы все решили...

— Мы ничего не решили! — рявкнула я.

— У меня дел по горло.

Издевательски блеснув нахальными глазами, с довольной рожей он обошел меня, подхватил пресловутый топор и начал подниматься на веранду. От его шагов заскрипели ступени.

Умеют же некоторые люди качественно взбесить, едва появившись на пороге! Я готова укокошить темную сволочь лопатой, и труп приковать под кустиками цветущей вербены. Она защищает от нечисти. Не зря Йосик старается на эту половину не соваться.

— Да чтоб ты провалился! — буркнула я, резко разворачиваясь в сторону открытой калитки.

Неожиданно за спиной раздался хруст, заставивший меня удивленно обернуться. Под дорогим соседкой сломалась прогнившая доска, и он действительно провалился одной ногой в пол прямехонько посреди веранды. Удивительно, как быстро этого жлоба настигла карма!

— Тебе даже вселенная намекает, что надо дом ремонтировать, а не соседей притеснять! — хохотнула я.

Он проткнул меня злобным взглядом, в котором читалось, как бы ему хотелось сейчас швырнуться если не топором, то хотя бы заклятием. А можно сразу и тем, и другим. Ведьмака, колдующего с застрявшей в полу ногой, я еще, признаться, не встречала. Было бы любопытно посмотреть, но он сдержался.

— Подсказать хорошего плотника? — продолжала измываться я, с весельем наблюдая, как он пытается освободиться. — Расскажу, если уступишь участок до осени.

— Переживу, — буркнул он.

— Хорошо, переживай, — пожалала я плечами.

Он с силой дернул ногой, пытаясь освободиться. Нога осталась при нем, сапог по-прежнему торчал в полу. Носок был потерян в голенище. Сосед раздраженно цыкнул, пристраивая голую ступню на замызганный пол. Див-

ное зрелище! Буду вспоминать в приступах плохого настроения.

— Удачно добраться до холла, господин темный. Приползай, если на пороге переломашешь лодыжки, так и быть, схожу за костоправом.

— Никуда не торопишься? — рыкнул он в мою сторону.

— Уже ухожу! Кстати, через огород ко мне быстрее. Ох! — нарочито всплеснула я руками. — Ты же стену поставил! Значит, или в обход, или подкоп...

Видеть его лицо было бесценно: он сделался злым, непримиримым и как-то по-особенному темным. Даже темнейшим!

— В общем, смотри почаще под ноги, — елеино улыбнулась я, но, повернувшись к нему спиной, улыбку мгновенно погасила.

Ведьмак действительно думал, что нагородит забор в моем священном огороде, с большим пафосом заявит, будто является хозяином каждой былинки, а ему поверят на слово? Не с той светлой чародейкой связался!

Через десять минут, надев соломенную шляпку, я решительно пошагала в городскую управу, но через четверть часа от прогулки под солнцем решительности поубавилось, а раздражения прибавилось.

День выдался жаркий и душный. Такой лучше проводить дома или в гамаке под тенью сливовых деревьев, а не шпарить по кромке фермерского поля. Сразу захотелось от души кому-нибудь отвесить светлой благодати, но по пути никого не встретила. Может, и неплохо, что не встретила. До меня уже дошли слухи, что уважаемый бургомистр Хенрик Дюпри во всеуслышание сомневался в цвете моей светлой магии.

В Круэл я приехала три года назад, выбрала место подальше от магических ковен и кланов. Сняла у городской управы домик в полчасе ходьбы от городской стены, когда-то переданный в казну за долги, посадила огород и завела нечисть. Последнее — случайно. Но здесь никто не знал имени Агаты Истван и никогда не слышал скандальной истории, заставившей меня, старшую дочь пресветлого Вацлава, шарахнуть дверьми родового замка.

К слову, уходя из семьи, замковые ворота я тоже за собой захлопнула. Хотела ритуально поставить жирную точку на старой жизни, но не учла, что створки не закрывали еще с молодости бабки Розалинды. Смыкались они с истошно-скрипучим стоном, потревожившим в могилах всех окрестных мертвецов, а потом вывалились. С куском крепостной стены. Грохот стоял, как в каменоломнях. После моего ухода целостность родового гнезда вообще была чуток нарушена, и новых разрушений никто не ожидал. Признаться, даже я.

Отец до сих пор страшно злился, о чем не забывал регулярно писать, где-то один раз в месяц. В ответ я мстительно напоминала ему, что гнев и злопамятность плохо сочетаются с его званием пресветлого, а значит, добрейшего чародея королевства. С другой стороны, он всю жизнь выдавал добро порционно и в таком причудливом исполнении, что просителям было впору спастись бегством. Не понимаю, почему все говорят, будто мы похожи характером. Врут как дышат!

Архив с библиотекой находились в здании городской управы, как раз под боком бургомистра. И новость о том, что в городе впервые за долгое время появилась чародейка из старого дома тетушки Петунии, долетела до господина Дюпри раньше меня самой. Пока я добралась до пыльного здания с каменной башней, на брусчатой мостовой уже стояла запряженная коляска. Возница с улыбкой поприветствовал меня, приподняв шляпу, за что был награжден любезным кивком. Люблю вежливых мужчин.

Не успела я дошагать до парадного входа, как дверь передо мной волшебным образом раскрылась, и на улицу, морщась от яркого солнца, выкатился помощник бургомистра. Дай бог вспомнить его имя, но оно что-то никак не вспоминалось.

Следом появился и сам Дюпри. Он был лысеющим человеком чуть за пятьдесят, среднего роста и средней комплекции. Мимо такого пройдешь в толпе и не заметишь. Единственное, что примечательного имелось во внешности Хенрика — густые усы сочного угольного цвета. Магический порошок для окрашивания я смешивала соб-

ственными руками. И, несомненно, это был наш с бургомистром маленький секрет.

При виде меня уважаемый градоначальник мигом осознал, что план побега провален, но, смирившись с неизбежной встречей, расставил руки в самом гостеприимном жесте, словно актер провинциального театра на последнем поклоне:

— Госпожа чародейка, я услышал, что вы к нам направляетесь, и лично вышел поприветствовать! Какими ветрами?

— Попутными, — отозвалась я. — А вас они куда понесли?

Мы втроем одновременно посмотрели на готовую коляску.

— Велел запрячь заранее, чтобы вам не пришлось возвращаться пешком по жаре, — ловко выкрутился он. — По каким вы к нам делам?

— По личным.

— Так идемте же быстрее в кабинет, там гораздо-гораздо прохладнее! — пропел он. — К слову, может, обсудим вопросик похолодания хотя бы на парочку дней?

— Исключено, — отказалась я гневить стихийной магией природу. — Я все равно пришла не к вам, господин бургомистр, а в городской архив. Очень нужно о местных жителях почитать.

— А что с нашими горожанами? — испуганно переглянулся он с помощником.

— Растут в численности, — скупое буркнула я, проходя в сумрачный холл.

После яркого солнца внутри казалось совсем темно. Воздух был пропитан особенным запахом казенных мест — смесью сладковато-медовых чернил, пыльных бумаг и расплавленного сургуча. Я окончила академию светлой магии пять лет назад, а этот запах по-прежнему напоминал мне о деканате и стареньком секретаре в очках с толстыми стеклами, который заполнял бумаги исключительно гусиным пером.

— Так после вашего благословения, госпожа чародейка, у нас младенцы как цыплята... — закудахтал бурго-

мистр. — Губернатор нашей долины даже грамоту прислал за хороший приплод!

— Поздравляю. А о том, что в Круэл приехал новый чародей, вы уже в курсе? — быстро спросила я.

— Еще один?! — Дюпри отшатнулся и схватился за сердце.

Кажется, он собрался осесть на исхоженный каменный пол, чтобы изобразить глубокий обморок, но был подхвачен под локоть верным помощником.

— Он не еще один, а темный, — педантично поправила я.

— А есть какая-то разница?

— Принципиальная! Темные чародеи никогда не живут поодиночке. Где один, там десяток. Теперь разница ясна? Ждите в Круэле нашествия ведьмаков, а потом живых умертвий.

— Кажется, я начинаю понимать, — расплылся в довольной улыбке Дюпри, как-то разом передумав падать в обморок. — Опасаетесь честной конкуренции на магические услуги?

— Ошибаетесь, господин бургомистр. Вы все-таки чего-то недопоняли, — сощурившись, вкрадчиво произнесла я. — Сегодня мой темный сосед заявил, что земля, которую я арендовала у города на десять лет, принадлежит его семье. Так яснее?

Что мне особенно нравилось в Дюпри: он быстро смекал, когда начинало припекать пятую точку, и умел красиво переобуться в полете.

— Вы правы! Немедленно в архив! Мы обязаны доказать, что это заговор и возмутительная клевета! — с убежденностью заявил он, отчего мигом стало ясно, что ведьмак, скорее всего, не соврал. Хотя по дороге в город во мне теплилась надежда.

Архив размещался под зданием, и копать в старых городских книгах лично Дюпри не собирался. Помощника он тоже не оставил. Приведя меня в холодное помещение с крошечными окошками под самым потолком, он pokrивал архивариуса.

В ответ раздалась глухая тишина, характерная для забытых хламом хранилищ с низкими потолками. О том, что архивариус со службы не сбежал, доказывала лишь надку-

шенная булочка, лежащая на разложенной салфетке между книгой для учета посетителей и чернильницей с кособоко торчащим пером.

Наконец где-то за стеллажами зашуршало. Я была почти уверена, что из-под полок выбрался неупокоенный дух, но к нам вышел высокий и нескладный молодой человек, отчего-то напоминающий кузнечика.

При виде визитеров он испуганно попятился, словно увидел трех умертвий кряду и быстренько придумывал, чем бы отбиться. Потом рассудок прояснился, архивариус признал начальство, живое, говорящее и недовольное, и начал оправдываться. Тут его прервали и всучили меня. Фигурально выражаясь.

— Очень толковый парень, — отрекомендовал бургомистр и, подтолкнув помощника обратно к обшарпанной двери, оставил нас с толковым парнем в гробовом молчании.

— Что вы ищете, глубокоуважаемая госпожа чародейка? — заискивающе уточнил он и с дурацкой улыбкой на узких губах вкрадчивым движением убрал в карман служебной мантии надкушенную булочку.

На столешнице остались хлебные крошки, и некоторое время я с интересом ждала, не стряхнут ли их на пол? Уборкой архивариус заниматься постеснялся.

— Мне нужны любые упоминания о темном клане, который раньше жил в Круэле, — вздохнула я, стаскивая с головы порядком надоевшую шляпку.

— Легко! — объявил он. — Когда они здесь жили?

— Понятия не имею, — призналась я. — Дом у них опустел... лет двадцать назад?

— Уже сложнее, — рассудил толковый молодой человек, но, потеряв гладкий подбородок, обнадежил: — Сейчас что-нибудь поищу. Вы там за столик присядьте.

Как ни странно, справился он поразительно быстро. Я только устроилась за пустым столом под окошком, с натугой пропускавшим дневной свет, как передо мной лег фолиант не самого впечатляющего размера.

— Семейная книга темных магов? — оживилась я.

— Нет, просто учетная, — поправил архивариус. — Если верить каталогу, в середине кое-что о колдовской семье упоминается.

— Негусто. — Я поцокала языком и едва заметным взмахом руки заставила толстый слой пыли самостоятельно смахнуть с кожаного заскорузлого переплета. Туда-сюда прочертились полосы, словно по нему небрежно прошлись веничком для уборки. Не особенно чисто, но я непривередливая.

— Может, еще что-то и имелось, но прежний архивариус сказал, что в прошлом году архив по весне затопило. Много чего не уцелело. — Сложив руки за спиной, парень с интересом наблюдал за простеньким колдовством. — Я-то всего пару месяцев как к службе приступил...

— Вы нас наедине не оставите? — намекнула я, что кое-кто здесь лишний, и это точно не мы со старой городской летописью.

— Конечно, госпожа чародейка. — Архивариус отступил от стола и скрылся за стеллажом, заставленным старыми рукописными фолиантами.

Наверняка в них рассказывалось об истории провинциального Круэла, но все больше в сухих фактах и цифрах. Кто на ком женился, а потом умер, и как увеличилось в тот год поголовье скота.

Щелчком пальцев я заставила книгу раскрыться и зашуршать пожелтевшими страницами с расплывшимися чернильными строчками. На середине фолиант замер. Нерешительно поиграл листиками и окончательно определился, замерев на развороте.

— Что ж, соседushка, — пробормотала я, — что-то твое семейство не жаловали на исторической родине.

Если верить городским записям, в Круэле действительно жила колдунья Матильда Хэдлей. Одинокая старуха пользы городу не приносила, местных не привечала и четверть века назад ушла за грань миров.

В уголочке городской летописец вкрявь и вкось изобразил герб темного клана. Если обладать воображением, то в тотемном животном угадывался оскаленный дракон. Хотя больше всего он походил на плотоядную корову.

Старый дом ведьма оставила внучатому племяннику, имя которого так размазалось, что, как ни прочитай, выходило или затейливое ругательство, или бодрая белиберда.

В общем, выяснить имя соседки, если говорилось о нем, заочно не удалось. И еще черным по белому (вернее, теперь по желтоватому) было написано, что кусок участка Матильда отдала своей единственной прислужнице, чье жилище стояло по соседству.

За стеной вся земля действительно принадлежала безымянному племянничку, и по осени не видать мне бузиновых ягодок! Не использовать же магию, в самом деле. Этот, прости господи, сосед отчалит туда, откуда появился, а я останусь с выжженным пустырем!

— Чудесно, — процедила я сквозь зубы и постучала светящимся магией ноготком по листу, отчего на желтоватой пористой бумаге разбежались круги, как по водной глади.

— Что чудесное вы обнаружили? — прошептал за плечом не только толковый, но и очень любопытный архивариус.

— Вот именно, что ничего! — буркнула я и махнула рукой: — Принесите, любезный, бумагу с чернилами. Чертить буду.

— Волшебные знаки чертить изволите? — оживился парень.

— Карту своего участка, — проворчала я, хмуро разглядывая схему, где было педантично отмечено в футах, сколько старая ведьма уступила землицы своей темной прислужнице в безвозмездное пользование. Вернусь домой и просчитаю все до последнего клочка.

Оказалось, за последние пять лет после окончания академии я сильно растеряла навыки, и чертежник из меня получился такой себе, криворукий. Сжав зубы, я мысленно ругалась и вела нетвердые линии. Закончив, встряхнула лист и выставила перед собой. Чернила насквозь проели тонкую папиросную бумагу, пропускающую дневной свет.

— Что-то не очень похоже, — покачал головой архивариус, наблюдавший за работой из-за моего плеча.

— Зато повторяет естественный ландшафт, — недовольно проворчала я, несколько задетая справедливой критикой.

В моем исполнении прямоугольный участок походил на кособокую трапецию. Кто посмотрит — не поверит, что на последнем курсе академии светлой магии я вдох-

новенно переносила на бумагу сложнейшие схемы вихревых магических потоков, но потом ни разу ничего не чертила. Было незачем.

И вообще, знала бы, что в реальной жизни эти знания мне никогда не пригодятся, побольше читала бы о выращивании ядовитых растений под окнами жадных ведьмаков. Глядишь, из одного куста красной бузины вырастила бы целую бузинную плантацию. Вот соседка замучилась бы топором размахивать.

Ведь какая дивная идея! Физический труд облагораживает и даже мартышку превращает в нормального мужика. Спору нет, внешне темный уже выглядит мужиком и даже не самым последним представителем своего подвида, но внутри-то, прости господи, ведьмак ведьмаком.

Горя желанием восстановить свой огород в исторических границах, я свернула схему трубочкой, нахлобучила на голову шляпку и покинула архив.

На улице стоял послеполуденный жар. Солнце пряталось за черепичные крыши, и изломанная тень от соседнего здания неумолимо наползала на тесную круглую площадь. Коляска с возницей, специально приготовленная «для госпожи чародейки», исчезла без следа. Не то чтобы я на нее рассчитывала.

— Вот мошенник! — проворчала себе под нос и направилась в сторону городских ворот.

Вела к ним прямая улица, пересекающая городок с запада на восток. Если, задумавшись, не сворачивать в переулки — никогда не заблудишься и минут через двадцать окажешься за городской стеной. Но ко мне начал выходить народ. По дороге к управе окликать побоялись. Видимо, что-то в моем лице намекало, что чародейка в том чудном настроении, когда она сама не особо уверена в цвете собственной магии.

Через час я сидела в повозке соседа-фермера, обмахивалась шляпкой и перебирала в голове десяток полученных заказов. Расплатились за них заранее — снедью. В плетеной корзине лежали хлеб, кусок ветчины, половинка сырного шара, покрытого восковой корочкой, и бутылка козьего молока. У светлых не принято назначать цену за простое бытовое колдовство, мы же не какие-то

темные жлобы. Эти, прости господи, здоровые конкуренты на магические услуги даже за мелкое заклятие предлагают подписать кровавый договор, а потом заставляют до седин горбатиться на них прислужником.

На повороте к ферме я заставила соседа притормозить и подхватила довольно увесистую корзинку.

— Госпожа чародейка, давайте до калитки доведу! — воспротивился он.

— Тут дойти пять минут, — отказалась я утруждать хо-рошего человека и слезла с повозки на дорогу.

Я почти добралась до дома, как из-за поворота на полном ходу, заставив меня отпрянуть в кусты, выскочила знакомая коляска. С каменными лицами мимо прокатили бургомистр с помощником. От их стремительного проскока с головы едва не слетела шляпка, а на зубах заскрипел песок.

Выходило, что неразлучная парочка, пока я ковырялась в архиве, сгоняла за городскую стену, чтобы поприветствовать ведьмака. Поди, пожаловались на самоуправство светлых, а теперь дали стрекача, чтобы не попасться мне на глаза. Каковы подхалимы!

Подпрыгивая на кочках, коляска стремительно отдалялась. Еще и пыль за собой глотать заставили!

Тихий щелчок светящимися магией пальцами, и пассажиров окутало плотное пыльное облако. До меня донеслись ругательства. Бургомистр сорвал с головы помощника шляпу и начал ею размахивать в разные стороны, стараясь получить хоть глоточек чистого воздуха.

Пыль разом осела, покрыв седоков плотным слоем. В коляске ошарашенно замерли, а секунду спустя синхронно обернулись назад. С улыбкой я помахала бургомистру и, напевая под нос веселый мотивчик, повернула к своему утопающему в зелени жилищу.

Не успела я закрыть калитку, как из-за угла выскочил Йосик и принялся скакать по дорожке. Он трусил следом за мной в огород и тыкался в ноги, пока я пристраивала возле раскрытой кухонной двери корзинку. Казалось, призрачный пес требовал немедленно зайти в дом.

— Подожди, табуретка! У нас важное дело, — раздраженно отмахнулась я от табуретопса и, пристроив шляпку

на длинную корзиночную ручку, с умным видом расправила схему.

— Сейчас проверим, господин темный жлоб, сколько ты у меня землицы оттяпал! — процедила я, орлиным взором оглядев ненавистную стену.

Измеряла расстояние шагами от дома и до самого забора. Три раза проверила. Сначала в одну сторону, потом обратно и снова. Так и есть! Ведьмак прихватил не меньше шести футов.

— Попался, — пробормотала я и, сощурившись, приказала забору: — Расступись!

Забор оставался колюч и монолитен. Пришлось предупредительно щелкнуть пальцами и, выбив искру, зажечь магический огонек, похожий на свечную пику.

— Сейчас же...

Стена ожила, пришла в движение и расступилась, открывая узкий зазор. На соседскую территорию пришлось пролезать бочком, чтобы не зацепиться за ощеренные длинные шипы, а хотелось-то войти по-королевски, гордо вскинув подбородок. И с лицом инквизитора.

— Итак...

С независимым видом я двинулась к дому ведьмака, себе под нос тщательно считая шаги. Так увлеклась, что едва не уперлась склоненной макушкой в крепкую мужскую грудь. Сосед перекрывал проход, уперев руки в бока. Пришлось поднять голову, чтобы посмотреть в его наглую рожу.

— Что делаешь? — тихо спросил он.

— Восстанавливаю историческую справедливость! — объявила я и сунула ему в нос слегка помятый папиросный лист, изрисованный линиями, кружочками и прочими топографическими обозначениями. — Любуйся, дорогой сосед!

— Чем? — поморщившись, как от зубной боли, он отодвинул рисунок от лица.

— Вот этим! — потрясла я бумаженцией. — Я сходила в архив, как ты настаивал, и знаешь, что выяснила? Твоя тетка отдала темной прислужнице огород, так что ни один внучатый племянничек на него претендовать не может.

Он молча перевел нечитаемый взгляд с чертежа, на меня.

— Видишь? — не унималась я. — Это доказательство, что ты присвоил целых шесть футов моей честно арендованной земли!

Смирившись, что так просто с него не слезут и причитающиеся футы стрясут, ведьмак цыкнул и забрал у меня чертеж. Некоторое время он его изучал, сверялся с натурой: посмотрел направо и налево, снова покосился в схему.

— Кто чертил? — оборонил он.

— Подсказка нужна? — съехидничала я.

Он молча пальцем ткнул в крестик и указал на старую корявую яблоню, стоящую у него под окнами. Потом постучал по второму кресту и махнул в сторону высокого древнего дуба, растущего за забором возле дороги.

— И что? — с вызовом уточнила я.

Одарив меня убийственным взглядом, ведьмак перевернул схему.

Бог мой, какой конфуз! Я-то считала, что на чертеж нанесли какие-то особенные топографические метки, значение которых понимали только землемеры, а они, подлещи, просто деревца таким нехитрым образом обозначили.

— Если верить чертежу, дорогая соседка, — проговорил ведьмак, даже не пытаясь скрыть издевку, — я отмерил тебе шесть лишних футов. Так что, будем восстанавливать историческую справедливость или оставим как есть?

Скрипнув от злости зубами, я выдрала из его рук бумагу и быстренько смяла в кулаке. Это же надо так оплошать, чтобы в собственном чертеже запутаться. Чуть сама у себя кусок огорода не оттяпала. Позор тебе, Агата Истван! Несмываемый и вечный.

— Так и я думал, — ухмыльнулся ведьмак.

— И вообще, по правилам забор между прилегающими участками нужно ставить из штакетника, а не городить такую глухую стену, что белого света не видно! — не придумав, за что еще поспорить, как-то очень удачно вспомнила я.

— Это по правилам этикета? — хмыкнул он.

— По правилам, написанным в королевском указе о добрососедских отношениях! — заявила я.

— Наш король горазд на странные указы. — Ведьмак сочувственно покачал головой. Неясно, кому он сочув-

ствовал: мне, его величеству или всем подданным нашего королевства.

— Ты поставил стену с шипами. А если мой пес напорется? — обвинительным тоном спросила я. — Кто ответит за здоровье невинного создания?

Неожиданно в плантации ревеня, аккуратным квадратом зеленеющей ровнехонько за спиной ведьмака, началось странное движение. Листья энергично зашевелились, и из них выглянул край любопытной табуретки. Появление «невинного создания», которому стена с шипами даже лак не могла поцарапать, ведь благородное покрытие давным-давно сошло, оказалось совершенно нестати.

Я цыкнула, запрещая призрачному псу являть миру цветочную обивку, и приказала сидеть в ремене тихим шпионом. Но при жизни Йося, очевидно, был энергичным, добрым и на редкость глупым зверем. Одним из тех, что лают на грабителей от искренней радости, а не ради сохранности хозяйского имущества. В посмертии характер пса не изменился. Он решил, раз хозяйка цыкает, а не орет, значит, сильно его любит и подзывает познакомиться с новым соседом, от которого за милую разит темной силой.

Сосед между тем, ехидничая от всей темной душонки, предлагал превратить Йосю в умертвие и не догадывался, что в этой жизни Йосе уже ничего не поможет. Песик, восторженно выставив алый кант-хвост, ринулся из ревеня. Прямоком через грядку с цветущими одуванчиками.

— Тыгыдын-тыгыдын! — цокали у меня в голове табуреточные ножки.

— Сидеть! — рывкнула я, пытаюсь остановить неминуемую встречу ведьмака и нечисти.

— Не понял? — изумился тот, перебитый на полуслове.

— Стоять! — страшным голосом черной ведьмы приказала я табуретопсу.

— Ты уж определись, — прошипел сосед, словно действительно хотел выполнять команды и не мог выбрать, с какой именно начать.

Секундой позже Йося, как бодливый баран, ударил острым краем ему под коленями, и ведьмак начал терять равновесие. Я отошла на шаг. Не ловить же тяжелого мужика,

право слово. Тот выразил неземную радость от встречи с табуреткой лихой матерной фразой.

Уверена, что хотел сказать что-нибудь политесное, вроде «мама дорогая!», просто не нашел правильных слов. Но Йося проникся моментом и остолбенел, уронив хвостик-кант. Кажется, мне открывалась тайна Вселенной, как именно управлять нечистью.

Сосед самым немыслимым образом устоял, хотя по закону земного притяжения должен был приземлить пятую точку в сочный куст алоэ, и резко обернулся.

— Табуретка?! — в мужском голосе прозвучало откровенное изумление.

Йося отмер и начал бочком перемещаться к хозяйке, то есть ко мне, мучительно прикрывшей на секундочку глаза. Почему у всех заводятся нормальные псы и хорошие соседи, а у меня — адское недоразумение? Не иначе как пресветлый Вацлав, сидя в отремонтированном замке, насылает светлые проклятия.

— Живая, — озадаченно добавил ведьмак и перевел на меня восхищенный взгляд: — Ты об этом невинном создании соловьем разливалась?

— И что с того? — ошетибилась я, уперев руки в бока. — Отличный домашний питомец, между прочим! Есть не просит, обувь не грызет, мебель не портит.

— Безусловно, живая мебель не портит сородичей, — издевательски протянул ведьмак.

— Ключевое слово «живая»! — огрызнулась я. — В отличие от вас, темных, мы, светлые, все-таки предпочитаем жить с живыми существами...

— Мы все еще говорим об одержимой нечистью табуретке? — с ехидством протянул он, пропустив мимо ушей откровенный намек на пробужденных умертвий, которых заводил каждый мало-мальски уважающий себя некромант.

Скрипнув зубами, я подхватила увесистого «питомца» под мышку. Йосик принялся шевелить ножками, как большая водоплавающая черепаха, непременно желающая добраться до моря.

— В общем, сосед, — проворчала я напоследок, — прореди свою изгородь. Иначе прорежу я, и вам всем это не понравится!

— Всем — кому? — любезно уточнил он.

— Ни тебе, ни изгороди! — отрезала я и с независимым видом пошагала между грядками по направлению к дырке в заборе.

Даже пройти через нее не успела, как колючие ветви срослись обратно, самым нахальным образом прищемив мне край юбки. Не догадываясь о конфузе, я едва не осталась без нижней половины наряда.

— Да чтоб в твой дом молния попала! — обругала я ведьмака и, спустив табуретку на землю, кое-как выдрала прищемленный подол. Ткань безобразно порвалась, а на шипах остался висеть светлый лоскут в мелкий цветочек.

Злобно схватив шляпку и корзинку, я влетела в дом. Хлипкая дверь шарахнула за спиной, ударив скачущего изо всех ножек Йосика. А в опрятной кухне меня ждал неожиданный сюрприз. Хотя сюрприз, понятно, ожидаемым не бывает.

Между столом и посудным шкафом, безвольно уронив руки по бокам, застыл высокий и худой, как оглобля, парень. И с первого взгляда в восковое, словно высушенное лицо с рыжеватой козлиной бородкой, похожей на приклеенную паклю, стало ясно, что он неживой. В смысле, подвижный, но точно мертвый!

Глава 2

НЕ САМЫЙ СВЕЖИЙ ЗАЛОЖНИК

На лбу у «бородатого сюрприза» красовалось расплывчатое клеймо со знаком семьи Хэдлей, тонко намекающее, что питомца создали по разрешению светлого ковена. Он являлся движимой собственностью ведьмака и упокою не подлежал.

Другими словами, наглый сосед — все-таки поехавший крышей некромант. С первого взгляда, конечно, не скажешь. Выглядит-то он относительно нормальным, без характерного безумного огонька в глазах, но и меня, милостивую и молодежавую шатенку, легко спутать с нежной фиалкой. Что он и сделал. Не то чтобы я сама показала высший класс магического мастерства и искусства дипломатии.

В общем, чудесно! В смысле, конечно, ужасно. Но знаете? День перестал быть отчаянно поганим...

«Еда!» — беззвучно раззявил монстр щербатую пасть.

«Заложник!» — мысленно возликовала я.

Сорвавшись с места, кровожадный гость в три шага преодолел расстояние между нами. Выпустив из рук корзинку, я выставила вперед открытую ладонь. Кухоньку, раскрашенную теплым закатным солнцем, озарила такая ослепительная вспышка, что перед глазами поплыли белые круги.

Магическая печать врезалась в грудь умертвия и как таран опрокинула его на спину. В воздухе мелькнули ноги в исхоженных сапогах. Окостеневшее тело с грохотом

распласталось на домотканом половике, раскинув руки-лапы с безобразными желтоватыми когтями.

Петунья возмущенно зазвенела чашками в посудном шкафу. Хотелось верить, что она беспокоилась за меня, а не за обездвиженное чудовище.

— Что ты раскудахталась? Он еще поживее тебя будет! — проворчала я и, обмахивая лицо шляпкой, чуточку склонилась над воскрешенным.

Незванный гость таранился в потолок по-рыбьи мертвыми глазами и энергично смердел. Пасть была раскрыта, словно челюсть отпала от изумления, что слабый корм оказался сильным хищником. Да так ее и заклинило. Передних зубов не хватало.

Самое забавное, что он удивительным образом подходил на моего дядьку Дюка Иствана, ловца за живыми мертвецами. Разве что уважаемый родственник (один из немногих, к кому я испытывала теплые чувства) все еще жив. Ну... я надеюсь. Мы виделись лет семь назад, и с тех пор я о нем ничего не слышала.

В последнюю встречу, Дюк выглядел не лучше: бородастый, отощавший и оголодавший. Да и пах тоже отвратительно. С мрачным видом он заявил, дескать, только вылез из склепа, из которого гонял студентов-некромантов, вздумавших создать неподсчитанное умертвие. Но, судя по амбре, источаемому заношенным плащом, этих самых студентов дядька прождал в засаде не меньше месяца. Еще с тех пор, когда они сами не подозревали, что хотят сотворить живого мертвеца. У меня же имелся готовенький, с разрешительной грамотой и даже печатью на лбу.

Пальцем я аккуратно закрыла умертвию рот, в смысле, пасть. Челюсть опять отпала.

— Ладно, я сделала все, что могла, — выпрямляясь, вздохнула я и тут же вспомнила, что рядом с Дюком-вторым глубоко вдохнуть не стоило, впрочем, как и рядом с первым. — Поехали прятаться, сердечный?

Держать пахучего монстра в доме не очень-то хотелось, но сюда, в отличие от старой клетки возле забора, ведьмак без разрешения не войдет. Нет, он мог бы, но правила приличий и закон о пиетете по-прежнему были с нами. Да и отдача потом замучает.

Под действием магии расprostертое на полу тело дернулось и рывками заскользило ногами вперед к дверному проему, утягивая за собой, как хвост, домотканый половик. Длинные худые руки начали медленно подниматься. В дверном проеме заложник застрял, словно вцепился когтями в косяк и отказывался двигаться дальше.

— Да что ты будешь делать? — проворчала я и сложила ему руки на груди опрятным крестом. Хоть сейчас отправляй в последний путь. Но упокоенный заложник отобранную часть огорода мне точно не вернет.

— Двигаемся! — вновь скомандовала, подкрепляя приказ магическим знаком.

Пока он перемещался мимо обалдевшего и по этому случаю изображавшего обычный табурет Йосика, я открыла дверь хозяйственной кладовки. Крошечная клетушка под лестницей была заставлена метлами, лопатами, ведрами и остальными очень нужными в приусадебном хозяйстве вещами. Кто бы три года назад сказал, что я буду знать, для чего нужна садовая тляпка, подняла бы на смех, а потом зачаровала. Заклятием честности. Чтобы несли в мир прекрасное, а не чушь.

Неожиданно до меня донесся равномерный стук, точно кто-то отбивал молотком кусок мяса. С недоумением я выглянула из кладовки. Заложник доехал до стены и тыкался в нее ногами, словно старался проломить проход. За ним скромно топтался Йосик. Видимо, тоже очень рассчитывал на эту дыру в большой мир.

— Демоны дери, — пробормотала я, щелчком пальцев останавливая ритмичную долбежку. — Ты там выжил, Дюк?

Вообще, спрашивать у умертвия, насколько он жив, например, по шкале от скорее жив до окончательно мертв, натуральное издевательство, но Дюк, безусловно, был безответен. Пустые глаза по-прежнему смотрели в потолок, приоткрытая пасть демонстрировала щербатость, а сам он источал мертвенный холод и аромат бродяги со стажем. В самый раз, чтобы потравить тараканов. Правда, тараканов в доме не было, а так бы воспользовалась случаем и избавилась.

Затаскивать Дюка в чулан пришлось волоком, схватив под мышки. Он оказался тяжел и неповоротлив. А с ви-

ду-то и не скажешь, что весит, как полтора мешка батата. Дурацкий коврик под ним собирался гармошкой и перемещению совсем не помогал.

— Что же ты такой худой, но неподъемный? — кряхтела я, пятясь спиной. — Пожрать, поди, любишь. Да, Дюк?

Кое-как мы втиснулись в узкое пространство между тяпками и лопатами. Те зашатались, грозясь осыпаться мне на хребтину, полка над головой тоже странно задрожала, но обошлось без инвентарных катастроф. Приваленный к стене Дюк, горестно уронил голову на грудь, точно хмельной пьянчуга, случайно заснувший в подсобке питейной. Аккуратно перешагнув через длинные ноги умертвия, я вышла и накрыла его хвостом коврика, упрямо вылезаящим из чулана.

— Чудесно! — С довольной улыбкой я отряхнула ладони и глянула на Йосика, обиженно жавшегося к стене. — Не ревнуй, табуретка. Скоро твое место освободят.

На запертую дверь каморки пришлось наложить проклятие, в смысле, заклятие, чтобы ядреный дюковский дух не пропитал дом и не уничтожил в нем все живое. В смысле, меня и две цветущие герани на кухонном подоконнике. Осталось дожидаться, когда сосед обнаружит пропажу и лично явится за питомцем.

Но вторжение злобствующего некроманта никак не происходило. Дом медленно окунался в сумерки, я успела хорошенько отмыться и сделать освежающую маску из огуречных кругляшей, а он все не являлся. Возможно, оказался недогадливым или же рысцой носился по окрестностям, прочесывая близлежащие овраги, кладбища и единственный склеп на другом конце Круэла.

Вскоре я начала подозревать, что ведьмак просто выгнал умертвие, как нашкодившего щенка. Может, в соседнем жилище оно пыталось найти нового хозяина, а не корм? Но его мало что не упокоили, так еще сверху добавили сковывающую печать. Даже жалко стало горемычное. Чуть слезу не пустила, пока думала о нем и разливала по флаконам зелье красоты! Хотя, возможно, глаза заслезелись от ядреного снадобья.

Когда на землю опустилась по-сельски густая темнота, в небе рассыпались мелкие звезды, а сверчки застрекотали на остроконечный месяц, дом сотряс грозный стук во входную дверь.

Дождалась! Темнейший явился.

Петунья с перепугу заблокировала створки посудного шкафа. Йосик изобразил табуретку. А я, источая спокойствие, достойное мертвого озера замка Истван, открыла припозднившемуся визитеру.

Сосед был взмылен, взбешен и растрепан. Зуб даю: гонял в склеп на другом конце города. Над его головой светился уличный фонарь, привешенный на крючок под козырьком. В тишине в стекло бились мотыльки, привлеченные ярким огоньком.

— Где он? — без вступлений рявкнул ведьмак и дернулся, готовый без дозволения чародейки ворваться в светлый дом.

Я выразительно посмотрела на порог и сложила руки на груди. Темный скрипнул зубами, но вернул ногу в пыльном сапоге на место. Видимо, кое-какие зачатки манер у него все-таки имелись. Или исключительно развитый инстинкт самосохранения.

— Мне просто любопытно, ты недогадливый или невнимательный? — К шантажу я приступила издалека, не скрывая ехидной улыбочки. — Не сразу понял, где его искать, или не сразу заметил, что оно сбежало?

— Верни мое умертвие! — процедил он.

— Без проблем, — с фальшивой легкостью согласилась я, и по его лицу пробежала судорога облегчения. — Но что мне за это будет?

— Я тебе ничего не сделаю, — щедро пообещал он.

— Это понятно, — усмехнулась я. — Что ты готов мне предложить за своего потерянного питомца?

— Чего? — коротко уточнил ведьмак, кажется, не веря собственным ушам.

Может, ему эликсир для остроты слуха предложить? В качестве компенсации. Или лучше успокоительную настойку? А лучше смешать все в одном флаконе! По-моему, отличная идея. Вон какой дерганый. Явно нервишки не в порядке.

Нарочно затягивая переговоры, чтобы он точно проникся безвыходностью положения, со знанием дела я принялась рассуждать:

— По правилам светлых ковенов, если хозяин не обнаружился в течение суток, я обязана умертвие упокоить и предать огню, чтобы его никто не поднял еще раз. А если вспомнить, как выглядел твой питомец, то он уже заслужил вечный сон.

— А ты, огородная фея, смотрю, не так проста, как кажешься, — нехорошо сощурился сосед. — Что ты хочешь?

— Твою часть участка, — без экивоков потребовала я, — убрать безобразную стену и, пожалуйста, чтобы ты больше не выпускал своего товарища на самовыгул.

Он кривовато усмехнулся:

— Если подумать, сутки еще не прошли...

— Верно, — спокойно согласилась я, — но завтра-то под вечер они закончатся, и тогда я буду вынуждена следовать правилам. Ты и меня пойми: в ковенах очень строго с этими вашими умертвиями. Один раз отпустишь, потом он сбежит и кого-нибудь слопаёт, а отвечать придется мне.

— А знаешь, госпожа соседка...

Ведьмак облокотился одной рукой о дверной косяк и склонился ко мне. От него мускусно пахло горячим телом и хвойным мылом. Носы сапог уперлись в порог, но шаг внутрь кухни он себе не позволил.

— Я сейчас просто войду к тебе и заберу умертвие, — хрипловатым тихим голосом пригрозил он. — Как тебе план?

— Нет, ты, конечно, мог бы попытаться... — Я пожалала плечами, дескать, взбесившего коня здравый смысл вряд ли остановит, только пропасть. — Но искренне не рекомендую.

Некоторое время мы смотрели глаза в глаза. Вблизи ведьмак казался старше. Полагаю, я выглядела младше, но он уже не обманывался молодежью внешностью. Всем своим сильным, напружиненным телом темный стремился ворваться на чужую территорию, а я с напряжением ждала, когда его подсознательное победит и мне удастся сорвать раздражение из-за переполоха в священном огороде.

Неожиданно он выпрямился и предложил:

— Забирай до осени.

— Навсегда! — отрезала я. — Ты уступишь свою часть участка навсегда.

— Идет, — вдруг согласился ведьмак на совершенно наглый, даже с моей точки зрения, шантаж.

У меня вырвался смешок:

— А ты, похоже, действительно дорожишь своим умертвием.

— Теперь я могу его забрать? — Он пропустил мимо ушей издевательское замечание.

— Быстрый какой! — фыркнула я. — Мне нужны гарантии.

— Считай, ты их получила, — кивнул сосед.

— Пф! Я с детства не верю людям на слово.

— Тяжелое детство? — не преминул съехидничать он, хотя по всему находился не в том положении, чтобы отвечать ядовитые комментарии.

— Обычное, но оно научило меня не рассчитывать на призрачные морковки, — не думая обижаться, объявила я. Он же не жил с пресветлым Вацлавом в одном замке и не в курсе, как от басистого голоса «самого доброго чародея королевства» дохли даже канарейки в клетках. — Дай магическую клятву.

— Нет.

— Как знаешь. — Я потянулась к ручке, чтобы хлопнуть перед его носом дверь. — Спокойной ночи, сосед. Обещаю, твой питомец уйдет в вечный сон со всеми почестями.

— Да демоны тебя дери! — рявкнул он, не позволяя мне запереться. — Хорошо!

Ведмак протянул руку, раскрыв ладонь с глубокими, словно порезанными линиями судьбы. Просто мечта ярмарочной гадалки! На внутренней стороне крепкого предплечья выделялись вены.

— Держи свою клятву, — поторопил он.

Отгоняя идиотскую мысль, что мне всегда нравились красивые мужские руки, а у ведьмака они до обидного красивые, я мягко обхватила крепкое запястье. Его шершавые сухие пальцы сомкнулись на моем предплечье без наро-

читой агрессии и излишней силы. Из-под них заструился черный дымок.

— Участок твой, — спокойно произнес ведьмак, глядя мне в глаза.

Магическая клятва была дана, и мы мгновенно расцепились.

— Теперь отдай мое умертвие! — потребовал он.

— Конечно, — согласно кивнула я. — Забирай.

— Где?

— Ну...

— Ты его зарыла, что ли? — мрачно пошутил ведьмак.

Конечно, до вечера садовым совком махала и грабельками помогала: раскидывала комья земли, а потом закидывала. Как раз на том месте, где в начале лета землекопы не дорыли компостную яму.

В самую жару они втроем вяло поковыряли грунт и сбежали «обедать» в неизвестном направлении, как Йосик, чудом вырвавшийся на свободу. Месяц жду, когда подлецы вернуться, но, думаю, их уже нет в королевстве... А на крыльце между тем стоит крепкий, широкоплечий и, главное, готовый абсолютно на все мужик. Просто сто семьдесят фунтов — точно не меньше! — не пристроенной к приусадебному хозяйству силы!

— За домом, — не моргнув глазом соврала я.

Сосед поменялся в лице и прошипел:

— Какого хрен... демона ты его похоронила?!

— Ну не в кладовке же его прятать, право слово. Он у тебя такой зачуханный, что скоро чесаться начнет. Когда ты его в последний раз мыл? За умертвиями тоже надо следить. Не в курсе, что вы в ответе за тех, кого воскресили?

— Лопату... — перебил ведьмак скрипучим голосом и протянул руку, словно рассчитывал, что садовый инвентарь ему вытащат из кармана платья. — Давай!

— В огороде возле бочки стоит, — охотно подсказала я и крикнула в спину, когда ведьмак, как налакавшийся зелья резвости, ринулся за угол дома: — Подожди: фонарем подсвечу!

Господи, радость-то какая! Мало, что участок вернула, так и землекопа для компостной ямы сумела найти.

Я быстро спряталась в кухне, запалила фонарь и через заднюю дверь вышла в огород. Ночь неожиданно оказалась прохладна. Ветер, намекающий на близкую непогоду, шелестел в кустах боярышника и тревожил светлячков в густой траве. Из-за дома к небу поднималось багряное марево, словно возле забора полыхала пламенем старая покосившаяся клеть.

Несколько забеспокоившись, я завернула за угол и поморщилась от яркого, режущего глаза света. Ведьмак действительно копал, но без ожидаемого энтузиазма: ритмично вонзал лопату в сухую землю, откидывал рассыпающиеся комья. А над ним переливалась оранжевая сфера, словно наполненная раскаленной лавой.

Недолго думая, без предупреждений я погасила чужую магию. Показалось, что мир погрузился в темноту, а перед глазами поплыли красные пятна. Землекоп замер и выразительно кашлянул.

— У нас есть свет, — пояснила я и для наглядности помахала фонарем, отчего огонек безудержно затрепетал, готовый погаснуть. — Мы же не хотим спалить дом?

Ведьмак так громко промолчал, что стало ясно: не стоит говорить за всех присутствующих здесь чародеев. Он-то в душе не против подпалить дом ушедшей феи. Но знаете? Какие соседи, такие и феи!

— Странно, — протянул он и выразительно воткнул в глинистую почву лопату.

— Что именно?

— Земля твердая, как будто до меня здесь никто не копал. Тщательно утрамбовала?

— Хочешь найти свое мертвое? — сдержанно уточнила я, не собираясь выпускать из огорода бесплатную рабочую силу, пока не получу хотя бы подобие компостной ямы. — Копай!

Видимо, нечаянный помощник уже и сам осознал, что, как и мертвое, превратился в заложника, которому придется отработать и свою свободу, и неживого приятеля. С мрачным видом он швырнул мне под ноги комья земли, словно сказав все, что думает о светлых чародейках. Выразительно цыкнув, я отряхнула туфлю и потеснилась, практически утопив его в темноту.

— Поближе, — недовольно буркнул он. — Я копаю почти наощупь.

Чем уж там он ощупывал почву, ногой или лопатой, история умалчивала, а мне были не особенно интересны подробности. Главное — результат!

— Уверяю, ты ему точно ничего не отрубишь, — отозвалась я и, подняв повыше фонарь, вновь придвинулась к краю будущей компостной ямы. — Получишь своего питомца в целости и сохранности. Со всеми конечностями. Правда, без зубов. Но зубы он потерял до меня, так что потом не предъявляй претензий.

Некоторое время он продолжал работать. Компостная яма грозила перерасти в могилку.

— Давай левее, а то недолго до первобытных захоронений дорыть, — деловито скомандовала я и указала пальцем в намеченную еще землекопами границу.

Окинув меня убийственным взглядом, он начал копать левее. На руках напрягались мускулы, гибко двигалось сильное тело. Честное слово, следить за тем, как мужик роет компостную яму — сплошное удовольствие. Очень советую попробовать. Расслабляет дивно! Особенно когда за это еще и денег платить не придется.

Неожиданно он прервал работу и вытер вспотевший лоб краем выбившейся из-за пояса штанов широкой рубахи.

— Правее тоже надо?

— Как отказаться, если господин темный чародей сам предложил? — с улыбкой развела я руками. — Ни в чем себе не отказывай. Рой в удовольствие!

— Свет! — рявкнул он.

— Господи, что ты кричишь, как будто не землю копаешь, а артефакт собираешь? — буркнула я и снова вытянула фонарь, отбрасывающий тусклое свечение.

Накидывая землю на быстро растущую по краю ямы гору, порядком упаренный ведьмак пропыхтел:

— Ладно, что моего умертвия здесь нет, я понял с первого взгляда. Но зачем мы роем? Клад ищем?

— Почему же мы? — даже удивилась я. — Роешь ты, а я контролирую процесс.

— И что именно я рою?

— Компостную яму, естественно.

Он поперхнулся на вздохе, словно до этой вспышки честности считал, что его в самом деле посреди ночи заставили хитростью соорудить могилку. Ну знаете? Так сказать, на будущее. Чтобы горюющие Истваны не перепутали место, куда завещала похоронить свой прах старшая дочь пресветлого Вацлава, когда ее ужокошит взбешенный сосед.

— Ты комаром, что ли, подавился? — озаботилась я. — Водички принести?

— Не надо.

— Да мне не жалко водички для усердного работника, — уверила я. — Просто, понимаешь, полтора месяца ждала, когда вернутся землекопы, а ты один за полчаса справился. Всегда знала, что некроманты умеют отлично выкапывать ямы. Но чтобы настолько! Искренне восхищена. Честное слово, похлопала бы, но фонарь мешает... Почему ты на меня так смотришь, будто думаешь проклясть?

Лицо соседа действительно было сложно описать во всех оттенках и красках. Полагаю, он представлял, с каким наслаждением свернул бы мне шею и похоронил в этой самой, уже выкопанной, компостной яме. А потом, через пару дней, поднял и превратил в свеженького питомца, коль прежнего, потасканного жизнью и пахнущего отнюдь не розами, найти не удалось.

— Идея соблазнительная, но я и без магии уже затрах... накопался.

Он категорично воткнул лопату в землю и, отряхнув руки, с превеликой аккуратностью принялся расправлять закатанные рукава рубахи.

— Что ты делаешь? — заволновалась я. — Мы еще не закончили.

— Я закончил, но ты можешь продолжать, уважаемая соседка. Хочешь, фонарь подержу? — любезно предложил он, напрочь отказываясь превратить неровную яму в опрятную усыпальницу для животворящего компоста.

— Похоже, я тебя перехвалила, господин некромант, — недовольно проворчала я себе под нос.

Ведьмак брюзжание проигнорировал и выбрался из ямы:

— Теперь я могу забрать свое умертвие?

— Конечно, — согласилась я, и он напрягся, видимо, начиная подозревать, что сейчас его хитростью вынудят еще что-нибудь сделать: крышу там отремонтировать, старую клеть заново построить. — В смысле, конечно, забирай. Он в кладовке.

Если бы взглядами темные умели проклинать, ей-богу, у нас случился бы магический поединок.

— Позволь задать личный вопрос, а то меня терзают смутные сомнения, — вымолвил он мягким голосом, отчего сразу стало ясно, что непременно ляпнет гадость.

— Спрашивай, — великодушно согласилась я.

— То, что ты не наивная фея, я уже понял. Но ты точно светлая?

— Вот сейчас было обидно! — возмутилась я. — Не понимаю, почему все сомневаются в цвете моей магии?

— И впрямь! С чего бы? — издевательски хмыкнул он.

Не побоявшись повернуться к нему спиной, с независимым видом я направилась к распахнутой задней двери, из которой в ночь сочился теплый свет обжитого дома.

— Я начинаю понимать, как ты оказалась в глухой провинции, — проговорил он мне в затылок и без промедлений предположил: — Тебя поперли из ковена за дивный характер.

— Мне любопытно, за что в глухую провинцию поперли тебя, господин темный? — не оборачиваясь, с усмешкой парировала я и вошла в дом.

Ведьмак остался стоять в раскрытом дверном проеме, с интересом разглядывая цветочные стены, дощатые полы и Йосика, несмело покачивающего хвостиком-кантом.

— Могу я войти? — поторопил сосед.

— Сапоги для начала обей, — велела я, кивнув на измазанную в глине обувку.

Он нарочито громко, так что косяк задрожал и в двери зазвенело оконце, постучал мыском о порог. Сбив с подошвы комья глины, то же самое проделал со вторым сапогом.

— Сейчас я достаточно чистый, чтобы оказаться в вашем гостеприимном жилище, госпожа чародейка?

— Добро пожаловать. — Пристроив фонарь, обернулась я к нему, но тут же ткнула пальцем: — Главное, не забывай, что ты гость, а приличные гости грязными башмаками по мытым полам сильно не топчутся. Хотя где темные, а где приличия...

— Я нахожусь от тебя в двух шагах и все слышу, — войдя, насмешливо отозвался он.

— Значит, в зелье для остроты слуха не нуждаешься, — кивнула я и пояснила, собственно, ничего толком не поясняя: — А то я уже начала подозревать неладное. Идем: покажу, где кладовка.

Мы остановились перед чуланом под лестницей. Ведьмак оглядел закуток и кивнул на хлипкую дверь:

— Он все время был здесь?

— На нем печать неподвижности, поэтому убежать не должен, — рассудила я и уткнулась носом в рукав платья, представив, какой «божественный» запах стоит в кладовке. Хоть топор вешай. У соседа, к слову, один был. Могли бы из исследовательского интереса провести эксперимент.

— Открывай, — поторопил он, теряя терпение.

Проглотив совет не дышать глубоко, а лучше вообще не дышать, я повернула ручку и дернула на себя дверь. Изнутри, больше не сдержанное заклятием, на нас хлынуло облако зловония. Оно практически сбивало с ног. Я была готова, а вот ведьмак отшатнулся.

— Господи боже, — едва слышно пробормотал он, тоже утыкаясь носом в сгиб локтя.

Пленник по-прежнему сидел, горестно уронив голову на грудь, словно страшно печалился одиночеством.

— Вот твой Дюк, — прокомментировала я. — Как сказала: целый и невредимый.

Ведмак покосился на меня как на чокнутую. Не то чтобы прежде он смотрел как-то иначе: с пиететом, согласно королевскому указу, или, того хуже, с мужским интересом.

— Ты дала умертвию имя?

— Он заслужил! Ты не видишь, что ли? Жизнь с тобой его доконала. Обидно уходить в вечный сон безымянным.

Откровенно говоря, Дюк давно протянул ноги, притом гораздо раньше, чем попал в кладовку моего дома.

— Это он тебе сказал? — усмехнулся ведьмак в рукав.

— Если бы твое умертвие могло говорить, то давно потребовало бы банный день! — начала беситься я. — Не в курсе, что его надо мыть? Желательно, почаще. Я думала, что это очевидно любому некроманту.

— Некроманту, может, очевидно, но я не некромант, — зачем-то высказался ведьмак, не уточнив, что мне делать с этим знанием.

— А за Дюком тебя, значит, попросили посмотреть? — не преминула съехидничать я.

— Вроде того. Зачем ты его прикрыла? Замерзал?

— В саван замотала! — огрызнулась я.

Отодвинув меня с дороги, он отбросил коврик мыском сапога, схватил неподвижного питомца за ноги и дернул. Стоило Дюка сдвинуть, как неустойчивая конструкция из тяпок, грабель и лопат с грохотом рассыпалась, накрыв истрадавшееся чудовище. В смысле, именно то из двух чудовищ, которое было мертвым. А с полки восторженно, словно только и ждал возможности объявить о себе, свалился пыльный уличный фонарь. Он припечатал скрюченного ведьмака аккурат в район лопаток и, задорно отпрыгнув в сторону, со звоном разбился.

На дом опустилась звенящая тишина. Вокруг все замерло. И даже я. Кажется, можно было услышать, как в огороде стрекочут сверчки, не подозревающие, что им тоже следует замереть. Ведь у нас как-никак развернулась фанарно-тяпочная драма.

Ведьмак медленно выпрямился, упер руки в бока и выразительно повел широкими плечами.

— Если тебе от этого станет лучше, то мне он тоже едва не свалился на голову, — нарушила я безмолвие. — Не лучше?

— Какого демона... — делая паузы между словами, процедил он и рывкнул на одном дыхании: — У тебя такой бардак?!

— Эй, ведьмак! — охнула я, перестав говорить в рукав. — Ты владениями не ошибся? Пока твое чудовище ко мне не забралось, здесь было чисто и пахло вкусно, а не вот этим всем! Один насмердел, второй натоптал. Из нас троих я единственная, кто пострадал!

Очень медленно он повернул голову и бросил взгляд над плечом. Глаза почернели, из-под пальцев заструился темный дымок.

— Ты колдовать, что ли, в моем доме надумал? — вкрадчиво уточнила я.

Он тяжело перевел дыхание, действительно погасил заклятие, а потом одним махом, заставив меня отпрянуть к стене, за ноги вырвал Дюка из плена садовых инструментов. Грохот стоял такой, словно чулан разломали на дощечки. Впрочем, он и лежал в руинах.

— Теперь я знаю, почему у него не хватает зубов, — пробормотала я себе под нос, но на самом деле достаточно громко, чтобы этот изверг услышал. — Ты же не потащишь его за ноги?

— Ему наплевать.

— Никакого понятия о гуманности, — покачала я головой. — А еще он будет цепляться за заросли... Но действуй, как хочешь. Главное, уже вытащи своего питомца на улицу, а то у меня герань от его ароматов завянет.

— Да чтоб тебя!.. — проскрипел он, выпуская ноги Дюка. В смысле, как и при знакомстве с табуретопсом, сосед очень хотел произнести эту фразу, но почему-то получилось красочным матом. — Ты!

— Что? — немедленно приготовилась скандалить я.

Скажу больше, мне даже хотелось поругаться. От души поорать на нахального мужика — еще один отличный способ расслабиться. Даже лучше, чем понаблюдать, как этот самый мужик копается в огороде.

— Ты слишком болтливая!

Что именно ведьмак хотел сказать на самом деле, осталось загадкой. Вообще, он так умело использовал бранные слова, собирая из них восхитительные конструкции, что невольно возникало подозрение: не учат ли их простонародному наречию в темных академиях? Очевидно же, что у моего соседа твердые знания и богатый словарный запас на любой случай жизни. Даже на тот случай, когда по хребтине прилетает стеклянным фонарем во время спасения умертвия из кладовки светлой чародейки.

— Ну извините, — развела я руками. — Пока никто не жаловался.

— В общем, поговорить тебе просто не с кем, — буркнул он и дернул подбородком, указывая на Дюка: — Печать с него сними.

— Не получится, — покачала я головой. — Сама растает.

— Когда?

— Да скоро. Через пару-тройку дней. — Я задумалась, пытаюсь вспомнить, какой силы заклятие наложила. Вышло, что достаточной. — Хотя, скорее всего, через пару седмиц.

— Две седмицы?! — Он поменялся в лице.

А мне-то казалось, что еще темнее этот темнейший сделаться просто не способен.

— Что ты возмущаешься, как будто его с концами упокоили? — охнула я. — У тебя две седмицы, чтобы спокойно заняться ремонтом и не думать о питомце. Только запри его где-нибудь, а то он очнется оголодавший и будет готов сожрать даже моего Йосика. Я тебе как специалист по...

Острый взгляд ведьмака как бы тонко намекнул, что девушка неосмотрительно сболтнула лишнее. Пришлось выворачиваться:

— Просто из опыта. Помочь перевалить его на спину?

— Сам справлюсь, — буркнул он, действительно кое-как закидывая Дюка на закорки.

Неповоротливым караваном они двинулись к выходу. Ноги умертвия волочились по полу.

— С дороги! — рывкнул сосед на Йосика, неосторожно заставшего в проходе.

Несчастная табуретка с грохотом отпрыгнула в сторону и убралась под кухонный стол. Ведьмак потащился к задней двери, чтобы добраться до дома через огород.

— Спокойной ночи, — пропела я ему в спину и с улыбкой щелчком пальцев захлопнула дверь. Правда, через секунду открыла обратно: дюковский дух истреблялся только беспрерывным проветриванием.

Глава 3

САД КАМНЕЙ В СВЯЩЕННОМ ОГОРОДЕ

На следующее утро я вскочила ни свет ни заря, но не от жажды деятельности, а от холода: под тонким летним одеялом продрогла до костей. Предчувствие меня не подвело: погода портилась.

Круэл давно ждал от лета послабления и прохлады. Бургомистр и вовсе был готов заплатить деньги за стихийную магию, крайне губительную для природы и погодного равновесия. Представляю, как он обрадуется, что удалось сэкономить городской казне внушительную сумму, а себе — нервы. Всегда найдутся недовольные, штурмующие мэрию. Ведь одним побрызжет дождичком, а другим превратит засеянное поле в непроходимое болото.

Кутаясь в теплую шаль, я быстро спустилась на проветренный и даже успевший выстудиться первый этаж. Хотела поскорее прикрыть оставленную на ночь дверь, но замерла на пороге, залюбовавшись огородом.

На рассвете он выглядел не просто прекрасно, а по истине божественно! Грядки зеленели, ухоженные кусты шелестели листвой. Дремлющие одуванчики только и ждали, когда придет время раскрыть тугие бутоны навстречу готовому выкатиться из-за горизонта солнцу.

Превосходный вид не портил даже соседский дом. Потемневшие ставни, грязные окна, стены, местами прикрытые покрывалом изумрудного плюща, а местами незамысловато облезлые. Веревка с постиранным муж-

ским исподним, натянутая между деревьев... И никакой шипастой стены посреди участка!

Отсутствие этого колючего препятствия доставляло такое эстетическое наслаждение, что даже развешанные мужские портки не противоречили моему чувству прекрасного.

— Чудесное утро, — вздохнула я полной грудью и тут же поежилась от порыва сквозняка. — Холодное только.

Хорошим оно, правда, оставалось недолго, часов до восьми. Только я собралась вкусно позавтракать хлебом с ветчиной, даже успела поднести сэндвич к открытому рту, как на мясной ломоть упали хлопья серого пепла.

— Да что же тебе не спится-то? — проворчала я, с раздражением откладывая еду на тарелку.

В воздухе, постепенно приобретая форму листа, закружились сожженные лоскуты бумаги. Послание выткалось и посветлело. Появились строки, написанные крупным размашистым почерком пресветлого. Письмо упало на стол, прикрыв тарелку с ветчиной.

— В чем я на этот раз провинилась?

Отец всегда безошибочно угадывал, когда у меня случалось хорошее настроение, и обязательно его портил, но послание оказалось на удивление доброжелательным. Впрочем, пресветлый всегда лучился дружелюбием, когда подкладывал кому-нибудь свинью.

Оказалось, что в колене начался традиционный отбор неофитов, и, по мнению отца, пришло время мне взять в ученики какое-нибудь юное дарование. «Превратить сорняк в благородное цветущее растение», — высокопарно писал он, по-видимому, решив, будто теперь дочь понимает исключительно садово-огородные аллегории.

— Петунья, открой шкаф! — не отрывая взгляда от послания, приказала я. — Мне нужен письменный набор.

Тетушка моментально выдвинула ящичек, где хранились перья и чернильница. Не тратя напрасно бумагу, я нацарапала ответ сразу под подписью пресветлого, нахально наехав восклицательным знаком на родовую печать: «Дорогой отец, облагораживайте сорняки на собственных клумбах. Без моего участия!»

Между засветившимися пальцами затрепетал нежный лепесток магического пламени. Чахлым и безобидным он выглядел только со стороны — лист от него съезжился и потемнел в мгновение ока. В воздухе закружилось лишь несколько невесомых, как тополиный пух, хлопьев черного пепла.

Я прихлебнула чай, ожидая отцовского ответа. Обычно возмущенное послание, полное родительской скорби, приходило моментально, полагаю, пресветлый его заранее готовил и предвкушал, как обрушится на меня со всей силой всего своего возмущения.

Время шло. Чай закончился. Новое письмо не торопилось появляться. Пресветлый Вацлав проглотил отказ! Или подавился им до удушья и сейчас боролся за жизнь (сильно вряд ли).

Возможно, бросился переписывать по сотому разу завещание и мстительно представлял, как вырвет лист с моим портретом из родовой книги? Задумал какую-то каверзу? В любом случае его таинственное молчание изрядно нервировало, ведь оно могло означать что угодно!

— Умеешь же ты испортить хорошее утро, — поймав себя на том, что перебираю в уме, что именно отец задумал, буркнула я и отправилась в огород. Успокаиваться.

Прошлась по владениям: с видом полноправной хозяйки осмотрела половину ведьмака. Проверила каждый куст! Сосед не тронул ни одного растения, даже придраться не к чему. Пришлось с помощью нехитрого, но очень полезного заклятия заставить лейку поливать грядки с аптекарскими травами. Вода в ней никогда не иссякала и поступала прямоком из кристально чистого озера в подземном гроте пресветлого.

Ведмак выбрался из темного логова в то время, когда у нормальных людей закончился второй завтрак, и они с нетерпением ждали обеда. Йосик, топтавшийся рядышком, начал украдкой отступать в кусты. Видимо, не хотел попасться на глаза суровому представителю темной братии. Тот направился к веревке с развешенным бельем, не обращая на меня ровным счетом никакого внимания.

— Доброе утро, — поприветствовала я, укладывая в корзинку срезанный лист алоэ.

Сосед остановился и резко повернул голову. Судя по хмурому виду, он считал, что только откровенные идиоты называют утро добрым, даже если это самое утро наступило в полдень.

— Что ты делаешь? — бросил он.

— Наслаждаюсь работой в *своем* огороде, — с елеинной улыбкой пояснила я и без того очевидную вещь. — Чудесно расслабляет. Как-нибудь попробуй завести свой огород. Очень рекомендую!

Он окинул меня недобрый взглядом, выразительно кашлянул и, сорвав с веревки белье, широкими шагами направился в дом. Так решительно и целенаправленно шел по кромке огорода, что грешным делом я подумала: не забыл ли завернуть за угол? Вдруг выйдет напрямиком из калитки и на своих двоих уберется из Круэла, не забирая ни вещей, ни умертвия?

Я наблюдала за решительным проходом, затаив дыхание. Это было бы идеальной развязкой нашего нелепого соседства. Но увы! До меня донесся грохот захлопнутой двери. Оншибанул ею с такой силой, словно выместил на ней всю необъятную «радость» от нашей встречи.

Во второй половине дня громко позвонили в колокольчик, висящий на крюке возле калитки. Я щелкнула пальцами, заставляя засов отодвинуться. За дверью зазвучали звонкие женские голоса. Под действием заклятия сама собой отворилась неприятно скрипнувшая входная дверь.

На пороге под жестяным козырьком, занеся кулак, удивленно хлопала глазами девица в светлом платье и в соломенной шляпке. За ней мяла в руках зонтик от солнца ее подружка.

Дочь главного лекаря Эльза и падчерица хозяина ателье Гретта всегда приезжали без договоренностей. Обе учились в женском пансионе недалеко от столицы и в прошлом месяце вернулись домой на каникулы.

— Привет, Агата! — разжав кулак, с улыбкой Эльза помахала рукой. — Я за эликсиром красоты.

— А я со списком от матушки, — высовываясь из-за ее плеча, пояснила Гретта. — Можно войти?

— Конечно, — с гостеприимной улыбкой кивнула я. — Добро пожаловать.

За спиной раздался категоричный щелчок запертого посудного шкафа. В прошлый раз Эльза кокнула чашку с голубым цветочком на боку, и тетушка Петунья тонко намекнула, что девицы, конечно, могут пожаловать в дом хоть с добром, хоть с чем угодно, но на облепиховый чай пусть не рассчитывают. Посуды для чаепития из ее шкафа мы все равно не добудем. Разве что из шкафа соседа. Что тоже весьма сомнительно.

— Список, — потребовала я от Гретты.

Она с азартом вытягивала шею и смотрела в окно, словно между кустами выросло что-то интересенькое, о чем я сама не имела понятия.

— Ага, держи. — Не потрудившись повернуть голову, она на ощупь вытащила из кружевной сумочки запечатанную записку и протянула в мою сторону.

Некоторое время я провела в погребе: подобрала заказанные флаконы с эликсирами, упаковала их в холщовые мешочки, чтобы спрятать от солнечных лучей, и вышла обратно в кухню. Девицы успели переставить с подоконника горшки с геранью, а теперь припали к окну, что-то с жадностью разглядывая.

— Какая красота! — прошептала Эльза, обмахивая лицо ладошкой, словно в кухне резко сгустилась духота.

— Превосходный образчик! — с придыханием согласилась Гретта. — Глаз не оторвать.

— Чего вы там разглядываете? — наконец не выдержала я, смутно догадываясь, что девушки говорят вовсе не о замечательном отборном кусте белого олеандра.

Подвинув болтушек, я выглянула в окно и изумленно прошептала:

— Бог мой...

Вообще-то, хотелось выругаться, но меня подвел голос. Раздетый до пояса ведьмак раскладывал крупные камни, явно привезенные с берега соседней речушки.

— Скажи? — хихикнула Эльза. — Какой мужчина! Не представляю, как ты рядом с ним живешь и не воспламеняешься?

— Поверь мне, — зачарованно глядя, как ведьмак укладывает очередной булыжник, протянула я, — с огромным, огромным трудом. Просто нечеловеческим усилием воли...

— И я тебя понимаю! Какая убийственная фактура! — подхватила Гретта и дрожащими от жадности пальцами словно погладила в воздухе невидимые ведьмачьи тела. — А торс! Какие у него мускулы.

— Ты ехать не хотела, — высокомерно фыркнула ее подруга. — Говорила же: здесь будет на что посмотреть.

— Бог мой, что он творит? — едва слышно выдавила я и выкрикнула звенящим от ярости голосом: — Какого адского демона ты устроил в моем огороде?!

С недоуменным видом повернувшись, ведьмак обнаружил в окне девиц, две из которых пускали на подоконник слюни, а третья незамысловато исходила злостью и практически из этого самого окна вываливалась. Он одарил нас широкой улыбкой, вызывающей немедленное желание превратить ее из белозубой в беззубую.

— Отличный денек, дамы!

— Не смей сходить с места! — приказала я, готовая взорваться на тысячу маленьких светлых чародеек.

Пихнув в руки ойкнувшей Гретты корзинку с флаконами, я рванула на улицу. Выскочила через кухонную дверь и двинула в сторону соседа. На пальцах трещали магические разряды. Перед глазами плясали кусты, грядки и почему-то световые пятна. Никак от гнева из глаз собирались посыпаться искры.

— Соседка, ты вышла мне помочь? — с иронией протянул он. — Не суетись, я почти закончил.

— По какому праву ты хозяйничаешь в моем огороде? — прошипела я, останавливаясь в трех шагах от ведьмака. Вблизи оказалось, что следы от когтей умертвия пересекают не только грудь, а тянутся до самых ребер. На другом боку был виден еще один белесый рубец, оставленный оружием.

— Тебе не понравились изменения ландшафта? — С самым непонимающим видом он указал на разложенные широким кругом валуны.

— А мне должны понравиться раскиданные поперек грядок булыжники? — прошипела я.

— Почему же раскиданные? — протянул он. — Художественно разложенные. И грядок здесь нет.